

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО. МЕДИАСРЕДА INFORMATION SPACE. MEDIA ENVIRONMENT

УДК 80/81

DOI 10.17150/2308-6203.2018.7(3).418-428

Валентинова Ольга Ивановна

Доктор филологических наук, профессор

Кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов, 117198 РФ, Москва, ул. Миклухо-Маклая. д. 6, e-mail: ovalentinova@yandex.ru

Olga I. Valentinova

D.Sc. in Philology, Professor

Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklay Str., 117 198, Moscow, Russia Federation, e-mail: ovalentinova@yandex.ru

Рыбаков Михаил Анатольевич

Кандидат филологических наук, доцент

Кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов, 117198 РФ, Москва, ул. Миклухо-Маклая. д. 6, e-mail: rybakov_ma@pfur.ru

Michail A. Rybakov

PhD in Philology, Associated Professor

Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklay Str., 117 198, Moscow, Russia Federation, e-mail: rybakov_ma@pfur.ru

Пстыга Алиция

Доктор филологических наук, профессор

Институт русистики и востоковедения, Гданьский университет, 80-308 Польша, Гданьск, ул. Вита Ствоша 51, e-mail: finap@univ.gda.pl

Alicja Pstyga

D.Sc. in Philology, Professor

Institute of Russian and Eastern Studies, University of Gdańsk, 80-308 Gdańsk, Ul. Wita Stwosza 51, Polska, e-mail: finap@univ.gda.pl

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ СОХРАННОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ КУЛЬТУРНОЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. С позиций современной системной лингвистики авторы статьи обсуждают такие характерные для речевых произведений всех функциональных стилей современного русского литературного языка явления, которые традиционно рассматриваются с нормативно-дидактической точки зрения: нарушение падежного согласования, появление множественного числа у абстрактных существительных, неразличение залогов, отсутствие соотнесенности субъекта деепричастного оборота с субъектом сказуемого и др. Примененный исследователями метод системной типологии языков позволяет выявить уверенно закрепляющуюся в современной русской речи тенденцию к изоляции. Деформация флективности русского языка, вызванная ростом культурной неоднородности языкового коллектива, при сохранении таких параметров внешней детерминанты, определяющей именно флективный грамматический тип, как размер языкового коллектива и режим общения, не только затрудняет выражение сложных смыслов, но и делает их в конечном счете невостребованными в обществе, снижая преемственность при передаче социально значимого опыта. Если структуры отношений и связей между знаками перестают быть социально унифицированными, в языковом коллективе утрачивается возможность воспроизводить и опознавать знаки речевого потока и ассоциировать их с определенными компонентами внеязыкового мыслительного содержания. Внешнее сохранение флексии и грамматического согласования при нарушении функции прогноза в обозначении причинно-следственных связей развивающегося события не свидетельствует о флективности и потому статистические методы определения степени флективности дадут ложный результат. Объективно оценить и языковую, и социально-культурную ситуацию в обществе и научно скорректировать языковую политику позволит исследование меры и характера расхождения внешней детерминанты и грамматического типа языка.

Ключевые слова. Социолингвистика, системная типология языков, русский язык, разрушение флективности, тенденция к изоляции.

Информация о статье. Дата поступления 28 февраля 2018 г.; дата принятия к печати 05 июля 2018 г.; дата онлайн-размещения 10 июля 2018 г.

TYPOLOGICAL SAFETY OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS THE NECESSARY CONDITION OF CULTURAL AND INTELLECTUAL SELF-IDENTIFICATION OF THE RUSSIAN SOCIETY

Abstract. Phenomena characteristic for speech works of all functional styles of the modern Russian literary language, which are traditionally considered from the normative-didactic point of view: violation of case coordination, the appearance of the plural in abstract nouns, the non-identification of voice, the lack of correlation between the subject of the participial construction and

the subject of the sentence etc. — are discussed by the authors of the article from the standpoint of modern systemic linguistics. The method of the systemic typology of languages used by researchers makes it possible to reveal a tendency to isolation that is firmly established in modern Russian speech. The deformation of the flectionality of the Russian language, caused by the growth of the cultural heterogeneity of the language collective, while preserving such parameters of the external determinant, which determines the inflectional grammatical type, as the size of the language collective and the communication mode, not only hampers the expression of complex meanings, but also makes them ultimately unclaimed in society, reducing the continuity in the transfer of socially significant experience. If the structures of relations between signs cease to be socially unified, the language collective loses the ability to reproduce and recognize the signs of the speech flow and associate them with certain components of the extra-linguistic thinking content. The external preservation of flexion and grammatical coordination in the event of a violation of the forecast function in the designation of cause-effect relationships of the developing event, does not indicate flexiveness, and therefore statistical methods for determining the degree of flexiveness will give a false result. An objective assessment of the language and socio-cultural situation in society and scientifically grounded adjustment of the language policy could be possible only on the base of research of the measure and nature of the discrepancy between the external determinant and the grammatical type of language.

Keywords. Sociolinguistics, systemic typology of languages, Russian, destruction of flectivity, tendency to isolation.

Article info. Received February 28, 2018; accepted July 05, 2018; available online July 10, 2018.

К постановке проблемы

Флективные, синтетические славянские языки, среди которых наивысшего уровня флективности достигли восточнославянские языки, на протяжении всей истории своего существования, вплоть до недавнего времени, обнаруживали крайнюю степень типологической устойчивости [1].

Сложная синтетическая флективная грамматика, подразумевающая морфологически значимое изменение звукового вида корневых и аффиксальных морфем [2], вырабатывалась в однородных оседлых мегаколлективах, чтобы уберечь многосвязный канал связи, когда невозможна передача сообщения от каждого к каждому или от одного ко

всем, от грубого искажения информации [3–6].

В настоящее же время в речевых произведениях всех функциональных стилей русского языка (и других славянских языков [7]) наблюдается разрушение флективности, которое проявляется в нарушении падежного согласования, в использовании конструкций с несколькими родительными, в которых не ясны семантические значения, в появлении множественного числа у абстрактных существительных, в неразличении залогов, в отсутствии соотносительности субъекта депричастного оборота с субъектом сказуемого, в массивном использовании согласованных определений.

Чтобы оценить последствия происходящих изменений, необходимо иметь представление не только о внешних факторах, обусловивших формирование именно флективно-грамматического строя (размере языкового коллектива, степени его однородности, образе жизни, режиме общения), но и о внутренней форме флективных языков, которая конкретизируется через особенности *коммуникативного ракурса* изображения сюжета в типичных высказываниях на языке соответствующего типа.

Типологическая деформация современного русского языка с позиций системной типологии языков

Массовое нарушение падежного согласования, приводящее к ослаблению функции падежа, разрушает развиваемую флективным языком предсказательную технику, помогающую слушающему из уже услышанного хотя бы частично догадаться о том, что следует далее. В результате оказываются невостребованными выработанные флективным языком способы вписывания передаваемого содержания в сюжет развивающегося события — главное следствие развития предсказательной техники в передаче информации во флективных языках: «*Об изменении в составе рабочих инвентаризационных комиссий*» (название приказа), «*несколько интереснейших памятников в стиле конструктивизм*», «*организовать контроль за посещаемостью сотрудников занятий*»; «*по их целебным свойствам*» и т. п.

Если «изображение» развивающегося события обеспечивается

строгим формальным противопоставлением знаков, обозначающих первотолчок события (глагол), автора первотолчка (именительный падеж имени), участника события, прямо испытывшего на себе первотолчок (винительный падеж прямого объекта), других участников события (имена в косвенных падежах) и т. д., а падеж представляет собой свернутое простейшее предложение и становится по сути средством сжатия первообразного текста и одновременно формальным выражением смысловой связности этого текста [8–10; 11, с. 121–214; 12], то ослабление функции падежа, разрушающее строгое формальное противопоставление знаков, делает неочевидной причинно-следственную связь всех этапов события и потому лишает слушающего возможности прогнозировать характер дальнейшей информации о событии и про верить свой прогноз.

Причинно-следственная связь всех этапов развития события затемняется и использованием конструкций с несколькими родительными, в которых не ясны семантические отношения: «*об утверждении плана мероприятий концепции целевой программы*», «*Федерация психологов образования России*» и т. п.

О типологической деформации, переживаемой сегодня русским языком, свидетельствует появление множественного числа у абстрактных существительных: *активности, взаимодействия, коммуникации, озабоченности*. Так на флективный языковой материал переносится типичная для аналитических языков лексическая многозначность — многие слова в изолирующих, предельно аналитических языках имеют од-

новременно конкретное и абстрактное значение, а значит, при желании говорящего могут получать для конкретного значения форму множественного числа. В результате утрачивается абстрагирующая сила слова, а его значение конкретизируется через его соотнесение с отдельными актами некоторого общего явления или с совокупностью таких отдельных актов.

Отсутствие кореференции субъекта деепричастного оборота с подлежащим — не менее характерная для современного массового употребления грамматическая черта, подрывающая основы флективности.

Необходимо, однако, отметить, что интерпретация отсутствия соотнесения субъекта деепричастного оборота с подлежащим как результат типологического воздействия на русский язык языка английского, должна ограничиваться текущими изменениями русского языка.

Конструкции типа «идучи я в школу, встретился со мной приятель», на неправильность которых обращал внимание еще М. В. Ломоносов, в исторически предшествующие эпохи считались рефлексом русско-французского билингвизма российской дворянской культуры и потому долгое время понимались как галлицизмы.

Но эти же конструкции существовали в русском языке, как доказал Ф. Миклошич [13] и подтвердили А. А. Потебня [14], Д. Н. Овсянников-Куликовский [15], А. М. Пешковский [16], задолго до того, как русский язык подвергся «чужеземным влияниям». А значит, при оценке характера типологических изменений требование историзма оказывается обязательным.

П. М. Бицилли [17] отмечал частое употребление этих оборотов у А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова — «авторов времени, когда классический язык уже оформился»: *Въехавши на пригорок..., вдруг предстали пред нами две горы* (Грибоедов. Письмо к Бегичеву), *Читая Шекспира и Библию, св. дух иногда мне по сердцу...* (Пушкин. Письмо к Вяземскому), *Приехал в Семипалатинск, встретили меня хлопоты по устройству квартиры* (Достоевский. Письмо к Врангелю) и т. п. И типологическая интерпретация П. М. Бицилли встречающихся у классиков оборотов с отсутствием кореференции субъекта деепричастного оборота с подлежащим носила иной характер. П. М. Бицилли полагал, с чем нельзя не согласиться, что в данном случае речь идет о крайнем проявлении синтетичности языка, под которой ученый понимал «тяготение к созданию фраз, являющихся по своей внутренней форме каждая — одним словом»: «Их «неправильность» означает их неразложимость. Они лучше, точнее выражают то, что находится в сознании говорящего, чем «правильные», каких требовал Ломоносов. Для него, говорящего, сам, идущий по улице, его движение по улице, его встреча с приятелем, приятель — все это лишь отдельные стороны одного и того же, целостного, предмета восприятия, один образ; а значит, указание на него, выраженное в форме, не поддающейся разложению, в действительности является наиболее удачным образом — *символом*, воспринимаемым скорее как одно слово, чем как предложение.

А тот факт, что слушатель, или читатель, *принимает* сказанное ему так, как этого хочет говорящий, свидетельствует, что и в *его сознании* высказанное подобным способом создалось таким же, каким оно было в сознании говорящего» [17, с. 294]. Такие синтаксические структуры, которые в условиях более благополучной социально-культурной ситуации можно было бы назвать реликтами полисинтетизма (инкорпорации), в настоящее время воспринимаются как слепки с английских конструкций.

Однако массовое активное использование английских структурных, равно как и лексических, заимствований не является следствием свободного полифункционального владения английским языком. Скорее, наоборот. Коммуникативный ракурс подобных высказываний становится окказиональным, а значит, для установления достоверного значения требуется расширение контекста, иногда очень существенное. Передача сложных смыслов в сложившей коммуникативной обстановке либо крайне затрудняется, либо просто остается невостребованной. Однако «русисты успешно не замечают подвижек в русской грамматике, но продолжают живо обсуждать нормативность отдельных словоупотреблений» [18, с. 311].

Расширение границ употребления деепричастных оборотов приводит к вытеснению характерных именно для флективных языков сложноподчиненных предложений и, как следствие, к росту аналитизма. Если для деепричастного оборота характерно примыкание к остальной части высказывания, семантически более независимое по-

ложение, то для сложноподчиненного предложения – более четкое указание на характер логических связей между двумя предикатами и их ясно выраженная иерархия. Свободная же кореференция деепричастного оборота отражает настрой на окказиональную семантизацию грамматической конструкции, выражает не связь событий, а их некоторую соположенность в пространстве и времени.

Такие изменения в массовой русской речи вызваны изменением условий коммуникации: в первую очередь — ростом неоднородности языкового сообщества и, следовательно, ростом количества сюжетов, требующих различных фоновых знаний и соответственно окказиональной внутренней формы.

Неразличение залогов — еще одно характерное грамматическое явление нашего времени:

Школа выражает благодарность за участие в профессионально-ориентируемом мероприятии вместо *Школа выражает благодарность за участие в профессионально-ориентирующем мероприятии*, поскольку мероприятие ориентирует школьников в выборе профессии, само же мероприятие в ориентации не нуждается;

Несмотря на это, женщина смогла проникнуть на запрещающую территорию вместо *Несмотря на это женщина смогла проникнуть на запретную территорию*, ведь территория запрещать ничего не может, а значит, *территория* не может согласовываться с причастием действительного залога.

Ошибки в употреблении залогов связаны не с содержанием категории, которая широко распростра-

нена как в синтетических (например, последовательно выражена в латинском языке при помощи отдельной системы флексий), так и в аналитических языках (например, в английском), а с десемантизацией залоговых показателей. Торопливая, поверхностная и автоматизированная речь не оставляет говорящему времени на точное употребление морфологических показателей. Смысл приблизительно соотносится с ситуацией в целом, употребление аффиксов ещё по привычке ощущается как необходимое, но смысл этих аффиксов уже представляется говорящему смутно.

Согласованное определение уверенно вытесняет использование косвенных падежей существительных в атрибутивной функции, однако не возмещает выражаемые ими семантические отношения [19, с. 269]: *академическое руководство* вместо *руководство Академии наук, академический храм* вместо *храм при Духовной академии, семинарский храм* вместо *храм при семинарии, дипломатический маэстро* вместо *маэстро в области дипломатии* (о Виталии Чуркине — представителе РФ в ООН), *лингвистический конфликт* вместо *конфликт между носителями разных языков* (речь идет о конфликте между носителями французского и фламандского языков в Бельгии, а не о конфликте, разразившемся в науке о языке). Так же и словосочетание *креативная лингвистика* не имеет никакого отношения к высокой оценке творческого потенциала науки о языке, а обозначает раздел лингвистики, изучающий выразительные возможности языка, заложенные в системе, но не ставшие общепотребительными,

то есть тот раздел, которая раньше назывался *стилистикой ресурсов*.

Сдвиг определения в левую позицию (в терминах генеративного синтаксиса), калькирующий английский (левоветвящийся) синтаксис, оказывается нарушением типичного для русского языка порядка слов.

Эта тенденция охватывает целые определительные обороты, делая высказывания маловразумительными: *Водитель сбившей машину с детьми «Газели» мог уснуть за рулём* (Новости Newsru.com 25.03.2017).

Размыкание именной группы *водитель ... «Газели»* способствует еще большему обесмысливанию фразы. Общей тенденции отвечало бы и появление в этом высказывании *газельного водителя и детской машины*, которые бы сделали его ещё более компактным и ещё менее русским.

Замена родительного падежа определением-прилагательным в таких случаях вносит в прилагательное несуществующий смысл и деформирует его лексическое значение.

В сложившейся ситуации массовое использование согласованного определения нельзя интерпретировать как проявление флективности, поскольку речь идет о том, что согласованное определение начинает подменять собой выработанные языком возможности выражения тонких оттенков обстоятельственно осложненных атрибутивных отношений, выражаемых беспредложными и предложными формами косвенных падежей имен существительных, а значит, затрудняя или делая невозможным выражение тонко дифференцированных смыслов даже при существенном расширении контек-

ста, согласование определяющего слова с определяемым в роде, падеже и числе, вопреки ожиданиям, не повышает надежности передачи информации в сложных коммуникативных условиях.

Семантически не аргументированное настойчивое употребление согласованных определений и известная тенденция ставить согласованное определение перед определяемым словом приведут в конечном счете к возможности не использовать морфемные показатели для выражения атрибутивной роли уточняющего слова, а значит, к утрате согласования определения с определяемым и к использованию существительного вместо согласованного определения: *академия руководство, дипломатия маэстро, лингвистика конфликт*. Причем атрибутивные цепи будут уподобляться сложным словам и в них станет возможным включать основы причастий, что повлечет за собой неиспользование придаточных предложений. А в условиях мегаколлектива, ведущего оседлый образ жизни, а значит, при необходимости сохранения многозвенной цепи в передаче информации, утрата в массовом сознании носителей русского языка не только способности различения оттенков семантических значений, но и потребности в этом различении, приведет к еще более глубокой деинтеллектуализации российского общества.

Характерной чертой флективных именных частей речи является последовательное формальное и семантическое разграничение существительных и прилагательных, закреплённое и в морфологических формах, и в грамматической харак-

теристике словарных единиц. Образование прилагательных не случайно требует использования определённых способов аффиксации, закреплённых в языке, более того с конкретными аффиксами связаны и определённые значения, трансформирующие семантику слова при его превращении в прилагательное.

Для аналитических языков типично формальное неразличение существительных и прилагательных. *Сопот-фестиваль* – показательный пример развития аналитизма. Такой способ сложения путем простого соположения слов очень характерен для английского, китайского и иных изолирующих языков, поскольку изолирующие языки являются максимально аналитическими. Включение определений в состав сложного слова является продуктивной словообразовательной моделью таких языков. По сути, здесь простая лексикализация словосочетания с неформальным определением, а других определений в изолирующем языке и не бывает.

Для славянского языка – это явное проявление аналитизации, так как флективное сложение предполагает флективность обеих частей сложного слова либо использование фузионных средств связи соединяемых основ, например, при помощи чередования или добавления интерфикса. Со стороны техники соединения частей слова здесь наблюдается типичная для аналитических языков агглютинация, в смысле сохранения чёткой межморфемной границы. Семантической чертой аналитического словосложения является свободное превращение любой корневой морфемы в определение простым соположением перед определяемой

морфемой, при этом такая определительная морфема может окказионально получать различные лексические значения, как и всё сложное слово в целом. Для флективных определительных синтагм характерно наличие ограничений на превращения слов в прилагательные и на модели формирования их атрибутивных значений.

На разрушении флективности основаны и другие ходовые «экспрессивные» приемы, используемые средствами массовой информации, как, например, ставшее частотным употребление предлога *по* с дательным падежом: *Четыре державы решили особо не минсковать. Соглашения по Донбассу продлят на 2016 год* («Коммерсантъ» от 06.11.2015).

Выводы

Массовый характер происходящих изменений подвергает опасности типологическую сохранность русского языка как языка флективного. Флективность же может представляться избыточной лишь до тех пор, пока мы уверены в очевидности нами излагаемого, но как только мы оказываемся в роли адресата, а воспринимаемые смыслы усложняются и становятся по той или иной причине жизненно необходимыми, флективность будет востребованной. Флективность в русском языке, при сохраняющейся многозвенной цепи передачи информации в мегаколлективе, все еще остается частью культуры как способа выживания, а значит, и необходимым условием национальной безопасности [20].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валентинова О. И. Типологическая динамика языка как результат изменения ментальности его носителей / О. И. Валентинова, М. А. Рыбаков // Язык и ментальность в диахронии : материалы всерос. науч. семинара. — Владимир, 2017. — С. 58–70.
2. Humboldt W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts / W. Humboldt. — Berlin : Druckerei der Königlichen Akademie der Wissenschaften, 1836. — 511 s.
3. Мельников Г. П. Системная типология языков: Синтез морфологической классификации языков со стадияльной / Г. П. Мельников. — М. : Изд-во РУДН, 2000. — 90 с.
4. Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Г. П. Мельников. — М. : Наука, 2003. — 395 с.
5. Melnikov G. P. Systemology and linguistic aspects of cybernetics / G. P. Melnikov. — Amsterdam : OPA, 1988. — 440 p.
6. Danylenko A. The correlation of linguistic patterning and societal structures in systemic typology / A. Danylenko // Studia Linguistica Universitatis Lagellonicae Cracoviensis. — 2018. — Vol. 135, iss. 2. — P. 81–96.
7. Mieczkowska H. Formy zaniku fleksyjności w deklinacji słowackiej w konfrontacji z polszczyzną / H. Mieczkowska // Procesy innowacyjne w językach słowiańskich / red. Z. Rudnik-Karwatowa. — Warszawa, 2003. — S. 127–138.
8. Мельников Г. П. Уровни связности текста, актуальная предикация и падеж с позиций системной лингвистики / Г. П. Мельников, А. Ф. Дремов // Синтаксис и стилистика : сб. науч. тр. / отв. ред. О. А. Крылова. — М., 1984. — С. 49–70.
9. Дремов А. Ф. Системная теория падежа и предлога в практике преподавания русского языка как иностранного / А. Ф. Дремов // Мир русского слова. — 2001. — № 1. — С. 43–51 ; № 2. — С. 78–86 ; № 3. — С. 47–58 ; № 4. — С. 47–54.
10. Дремов А. Ф. Простое предложение и его значение / А. Ф. Дремов // Языковая Системология : материалы междунар. науч. конф. — М., 2013. — С. 56–64.

11. Рыбаков М. А. Развитие представлений о типологическом сходстве языков: от многомерной классификации Э. Сепира до системной типологии Г.П. Мельникова / М. А. Рыбаков // Системный взгляд как основа филологической мысли : монография / О. И. Валентинова [и др.]. — М. : ЯСК, 2016. — С. 17–136.
12. Гззян Д. М. Функция предлога в составе семантической структуры высказывания : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Д. М. Гззян. — М., 1989. — 15 с.
13. Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen / F. Miklosich. — Wien : W. Braumüller, 1868–1874. — Bd. 4 : Syntax. — 896 s.
14. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. — Харьков : Д. Н. Полухтов, 1888. — Т. 1. — 536 с.
15. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. — СПб. : Изд-е Д. Е. Жуковского, 1902. — 312 с.
16. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — М. : Языки славянских культур, 2001. — 510 с.
17. Бицилли П. М. Заметки о некоторых особенностях развития русского литературного языка / П. М. Бицилли // П.М. Бицилли. Избранные труды по филологии / ред. В. Н. Ярцева. — М. : Наследие, 1996. — С. 249–340.
18. Преображенский С. Ю. Системный анализ стиха / С. Ю. Преображенский // Системный взгляд как основа филологической мысли : монография / О. И. Валентинова [и др.]. — М. : ЯСК, 2016. — С. 303–376.
19. Валентинова О. И. Системный подход к исследованию текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов / О. И. Валентинова // Системный взгляд как основа филологической мысли : монография / О. И. Валентинова [и др.]. — М. : ЯСК, 2016. — С. 171–301.
20. Музычук Т. Л. «Спасибо, что живой»: этнокультурный потенциал русской языковой личности как фактор национальной безопасности / Т. Л. Музычук // Вопросы теории и практики журналистики. — 2017. — Т. 6, № 4. — С. 541–554. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(4).541-554.

REFERENCES

1. Valentinova O. I., Rybakov M. A. Typological dynamics of language as a result of its speakers' mentality change. *Yazyk i mental'nost' v diakhronii. Materialy vserossiiskogo nauchnogo seminara* [Language and mentality in the diachronic aspect. Proceedings of the 2017 Russian scientific workshop]. Vladimir, 2017, pp. 58–70. (In Russian).
2. Humboldt W. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*. Berlin, Druckerei der Königlich-Akademie der Wissenschaften, 1836. 511 s.
3. Melnikov G. P. *Sistemnaya tipologiya yazykov: Sintez morfologicheskoi klassifikatsii yazykov so stadial'noi* [Systemic typology of languages: Synthesis of the morphological classification of languages with the «stadial» one]. Moscow, People's Friendship University of Russia Publ., 2000. 90 p.
4. Melnikov G. P. *Sistemnaya tipologiya yazykov: Printsipy, metody, modeli* [Systemic typology of languages: Principles, methods, models]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 395 p.
5. Melnikov G. P. *Systemology and linguistic aspects of cybernetics*. Amsterdam, OPA, 1988. 440 p.
6. Danylenko A. The correlation of linguistic patterning and societal structures in systemic typology. *Studia Linguistica Universitatis Lagellonicae Cracoviensis*, 2018, vol. 135, iss. 2, pp. 81–96.
7. Mieczkowska H. Formy zaniku fleksyjności w deklinacji słowackiej w konfrontacji z polszczyzną. In Rudnik-Karwatowa Z. (ed.). *Procesy innowacyjne w językach słowiańskich*. Warszawa, 2003, s. 127–138.
8. Melnikov G. P., Dremov A. F. Levels of text coherence, actual predication and case from the viewpoint of systemic linguistics. In Krylova O. A. (ed.). *Sintaksis i stilistika* [Syntax and Stylistics]. Moscow, 1984, pp. 49–70. (In Russian).

9. Dremov A. F. Systemic case and preposition theory in teaching Russian as a foreign language. *Mir russkogo slova = The World of Russian Word*, 2001, no. 1, pp. 43–51 ; no. 2, pp. 78–86 ; no. 3, pp. 47–58 ; no. 4, pp. 47–54.

10. Dremov A. F. Sentence and its meaning. *Yazykovaya Sistemologiya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Language Systemology. Materials of International Scientific Conference]. Moscow, 2013, pp. 56–64. (In Russian).

11. Rybakov M. A. Developing Ideas of Typological Similarity of Languages: from E. Sapir's Multidimensional Classification to Gennadiy P. Melnikov's Systematic Typology. In Valentinova O. I., Denisenko V. N., Preobrazhenskii S. Yu., Rybakov M. A. *Sistemnyi vzglyad kak osnova filologicheskoi mysli* [The Systematic Approach as the Basis of Philology]. Moscow, YaSK Publ., 2016, pp. 17–136. (In Russian).

12. Gzgzyan D. M. *Funktsiya predloga v sostave semanticheskoi struktury vyskazyvaniya. Avtoref. Kand. Diss.* [Funtion of a preposition in the semantic structure of an utterance]. Moscow, 1989. 15 p.

13. Miklosich F. *Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen*. Wien, W. Braumüller, 1868–1874, bd. 4, Syntax. 896 s.

14. Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From essays on Russian Grammar]. Khar'kov, D.N. Poluekhov Publ., 1888, vol. 1. 536 p.

15. Ovsyaniko-Kulikovskii D. N. *Sintaksis russkogo yazyka* [Russian Syntax]. Saint Petersburg, D.E. Zhukovskii Publ., 1902. 312 p.

16. Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in the research aspect]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2001. 510 p.

17. Bitsilli P. M. Essays on some aspects of development of the Russian literary language. In Yartseva V. N. (ed.). *P.M. Bitsilli. Izbrannye trudy po filologii* [P.M. Bitstilli. Selected works on Philology]. Moscow, Nasledie Pu8bl., 1996, pp. 249–340. (In Russian).

18. Preobrazhenskii S. Yu. The Systematic Analysis of Poems. In Valentinova O. I., Denisenko N., Preobrazhenskii S. Yu., Rybakov M. A. *Sistemnyy vzglyad kak osnova filologicheskoi mysli* [The Systematic Approach as the Basis of Philology]. Moscow, YaSK Publ., 2016, pp. 303–376. (In Russian).

19. Valentinova O. I. Studying Text and Style in the Framework of the Systematic Approach: Grounding the Causal Typology of Texts. In Valentinova O. I., Denisenko V. N., Preobrazhenskii S. Yu., Rybakov M. A. *Sistemnyy vzglyad kak osnova filologicheskoi mysli* [The Systematic Approach as the Basis of Philology]. Moscow, YaSK Publ., 2016, pp. 171–301. (In Russian).

20. Muzychuk T. L. «Thank You for Being Alive»: Ethnocultural Potential of the Russian Linguistic Persona as a Factor of National Security. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2017, vol. 6, no. 4, pp. 541–554. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(4).541-554. (In Russian).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Валентинова О. И. Типологическая сохранность русского языка как необходимое условие культурной и интеллектуальной самоидентификации российского общества / О. И. Валентинова, М. А. Рыбаков, А. Пстыга // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018. — Т. 7, № 3. — С. 418–428. — DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(3).418-428.

FOR CITATION

Valentinova O. I., Rybakov M. A., Pstyga A. Typological Safety of the Russian Language as the Necessary Condition of Cultural and Intellectual Self-Identification of the Russian Society. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2018, vol. 7, no. 3, pp. 418–428. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(3).418-428. (In Russian).